

века. Мы исследовали особенности трех видов профессиональных стрессов: психологического, рабочего и организационного.

Выделяя особенности coping поведения, т.е. поведенческие и когнитивные условия, приемлемые индивидом, чтобы справиться с внешней стрессовой средой, мы опирались на типологию К. Карвера, выделяющего:

- *активно-адаптивные coping-стратегии*, которые направлены непосредственно на разрешение проблемной ситуации: «активный coping»; «планирование»; «поиск активной общественной поддержки»; «положительное истолкование и рост»; «принятие» - признание реальности ситуации.

- *пассивно-адаптивные coping-стратегии*, которые могут способствовать адаптации человека в стрессовой ситуации, однако они не связаны с активным copingом: «поиск эмоциональной общественной поддержки»; «подавление конкурирующей деятельности»; «сдерживание».

- *неадаптивные coping-стратегии*, которые только в некоторых случаях, помогают человеку адаптироваться к стрессовой ситуации и справиться с ней: «фокус на эмоциях и их выражении»; «отрицание»; «ментальное отстранение»; «поведенческое отстранение».

Поэтому для диагностики особенностей стрессоустойчивости в профессиональной деятельности мы использовали следующие методики: «Стрессоры»; «Инвентаризация симптомов стресса»; «Шкала организационного стресса Мак-Лина»; «Шкала психологического стресса Мак-Лин». Для диагностики стратегий coping – поведения сотрудников КПБ мы использовали методику «Стратегии coping-поведения» К. Карвера.

Улучшения с помощью данных методик результаты показали:

- сотрудники клинической психиатрической больницы из группы с высоким уровнем профессиональных стрессов менее всего подвержены влиянию психологического стресса.

- большая часть сотрудников КПБ подвержена влиянию организационного стресса, что говорит о том, что ситуационные, связанные с взаимоотношениями в коллективе организационные особенности деятельности являются главным триггером стресса для сотрудников КПБ.

- личностные свойства – компоненты (составляющие) устойчивости к организационному стрессу (Мак-Лин) у психиатров имеют высокие уровни развития, что способствует высокой устойчивости к организационному стрессу; у специалистов по социальной работе показатели компонентов устойчивости – низкие, что свидетельствует о том, что специалисты по социальной работе обладают низкой устойчивостью к организационному стрессу.

- наиболее подвержены организационным, рабочим и психологическим стрессам медицинские работники и специалисты по социальной работе, наименее подвержены стрессу: психологи. Возможно, это связано с нагрузкой, интенсивностью, эмоциональным напряжением и уровнем ответственности сотрудников КПБ на рабочем месте.

- основными стресс-факторами для сотрудников КПБ являются перегрузка на работе и напряженные отношения с

руководством. Реже стресс-факторами являются сфера деятельности и конфликты с коллегами. В большей степени воздействию стресс-факторов подвержены специалисты по социальной работе.

Нами были выявлены особенности coping поведения сотрудников клинической психиатрической больницы с разным уровнем устойчивости к профессиональным стрессам:

- Сотрудники КПБ с высоким уровнем устойчивости к рабочему стрессу прибегают к coping стратегиям, которые являются пассивно-адаптивными (поиск эмоциональной общественной поддержки, подавление конкурирующей деятельности, сдерживание) и активно-адаптивными (активный coping, планирование, поиск активной общественной поддержки, положительное истолкование и рост, принятие). У сотрудников КПБ со средним уровнем устойчивости к рабочему стрессу преобладают активно-адаптивные coping-стратегии. Кроме того, они также используют coping-стратегии, которые являются пассивно-адаптивными. Также активно используют такую coping-стратегию, как копинг. У сотрудников с низким уровнем устойчивости к рабочему стрессу преобладают неадаптивные coping-стратегии (фокус на эмоциях и их выражении, отрицание, ментальное отстранение, поведенческое отстранение). Также они активно прибегают к использованию алкоголя. Сотрудники данной группы практически не используют активно-адаптивные и пассивно-адаптивные coping-стратегии.

- Сотрудники КПБ, независимы от уровня устойчивости к психологическому стрессу, активно используют активно-адаптивные и пассивно-адаптивные coping-стратегии, реже, используют неадаптивные coping-стратегии.

- У сотрудников КПБ с высоким уровнем устойчивости к организационному стрессу преобладают активно-адаптивные coping-стратегии. Кроме того, они прибегают к использованию пассивно-адаптивных coping-стратегий. У сотрудников со средним уровнем устойчивости к организационному стрессу преобладают в равной степени как активно-адаптивные, так и пассивно-адаптивные coping-стратегии. Также ими активно используются такие coping-стратегии как обращение к религии, употребление алкоголя, юмор. У сотрудников с низким уровнем устойчивости к организационному стрессу преобладает неадаптивная coping-стратегии. Ими практически не используются активно-адаптивные coping-стратегии и стратегии, которые способствуют адаптации человека к стрессовой ситуации.

Таким образом, результаты нашего эмпирического исследования показали, чем выше уровень устойчивости к профессиональным стрессам, тем более адаптированы к активным coping-стратегиям используют сотрудники клинической психиатрической больницы. Для повышения уровня устойчивости к профессиональным стрессам актуально внедрение коррекционных и профилактических программ, направленных на выработку навыков использования активных адаптивных coping-стратегий в стрессовой ситуации.

Айрапетян Д.Р. (Ереван)

Восприятие и субъективная оценка времени

в контексте психодиагностических проблем принятия решения

Эпидемиологический анализ и разработка принципов и методов принятия решения (ПР) один из основных и актуальных проблем психологии ПР (Карпов А.В. 1999, Корнхейм Т. В. 1994, Kahneman D. & Tversky A. 1999, Фелли М. 2007). В немногочисленных исследованиях, посвященных различным полумодулям, можем отметить кардинальные разногласия.

У западных авторов сложилась традиция исследования процессов ПР методом лабораторного эксперимента посредством моделирования базисных ситуаций ПР. Самыми известными из этих моделируемых систем, являются «задача Липды» или «выбор в случае терроризма» Д. Канемана, «выбор ожидаемого выигрыша» М. Аллера и много других моделирующих игр и задач (Тверский А. 1999).

Kahneman D. 1983, Allais M. 1953). В основе такого подхода лежат несколько объективных и субъективных причин. Первая связана с тем, что результаты психологических исследований проблем ПР в основном применялись в экономический практике, где требовалось лишь определить рациональность или же иррациональность экономического агента. И поэтому исследователи ПР не старались вычленивать в чисто психологические закономерности ПР. Другим психодиагностическим критерием ПР, наряду с рациональностью, стал фактор «восприятия риска», что повысило роль психологического подхода в исследованиях процессов ПР. Но и в этом случае западные исследователи продолжали придерживаться вышеуказанных методов (Slovic P. 1987, Brandema A. 1986, Yudkowsky E. 2007).

Другой методологический подход лежит в основе психологических исследований процессов ПР в российской психологии. Во-первых, это связано с тем, что психологические исследования процессов ПР отделились в самостоятельную сферу. Во-вторых, это связано с тем, что разные психологические концепции проблем принятия решения основываются на деятельностном подходе. В психодиагностическом плане продуктивнее обратиться к подходам Т. Корниловой и А. Карпова (Корнилова Т. 1994, Карпов А. 1999).

Т. Корнилова, взяв за основу традиционно выделяемые на западе психодиагностические критерии ПР (рациональность, риск), с методологической точки зрения разработывает их, сопоставляя западные и российские теории, обосновывает их как личностные свойства и делает первый шаг к созданию тестовой модели психодиагностики ПР. Результатом ее работы становится опросник «Личностные факторы принятия решения» (ЛФР-25). А. Карпов, основываясь на принципах теории деятельности, обосновывает свою концептуальную точку зрения психодиагностических проблем ПР, рассматривая последнюю как интегральный психический процесс. Он обращает внимание, как минимум, на шесть основных недостатков западного психодиагностического подхода и лабораторного эксперимента. А. Карпов считает: «Попытки моделирования процессов ПР в автономном и самостоятельном виде, в аналитической изолированности от деятельности и поведения могут привести, в лучшем случае, к воспроизведению лишь какого-либо аспекта ПР, а в худшем – к моделированию иного, нежели ПР, процесса. При таком аналитическом моделировании не только рвутся реальные связи ПР с поведением, деятельностью – с той регулятивной базой, на основе которой он вообще становится реализуемым; не только теряется его регулятивная специфика и детерминация, но и утрачивается главное – закономерные в регуляции детерминанты развертывания процесса ПР». А. Карпов предлагает от традиционного лабораторного эксперимента (ЛЭ), через методы естественного моделирования (ЕМ), имитационных задач (ИЗ) и деятельностно-опосредованного моделирования (ДОМ) перейти к изучению процессов ПР в психологическом анализе деятельности (ПАД). Тогда, по мнению Карпова, можно будет осуществить все возможные принципы экспериментального изучения процессов ПР, одним из которых является принцип регистрации оптимального количества показателей ПР (А. Карпов 1999).

У А. Карпова в числе показателей ПР (точность и время реализации решения, количественные и содержательные характеристики информационной основы ПР, субъективная оценка правильности хода и результатов решения и т.д.), не стечен фактор восприятия и субъективной оценки испытуемых во времени отведенного на ПР как психодиагностический необходимый показатель, что несомненно является неотъемлемым фактором в реальной жизни и деятельности субъекта ПР.

Первое упоминание о факторе времени в исследовании процессов ПР мы встречаем у И. Дрора и Дж. Бушемеера, а также М. Виттемана и М. Паулуца (Dror I., Bushemeyer J., Basola B., 1999, Wittmann, M. and Paulus, M., 2007).

Проблему восприятия времени в контексте проблем ПР можно обсудить в двух разных планах. Обсуждением проблем первого плана и занялись вышеуказанные авторы экспериментальным путем доказывая, что импульсивными людьми результаты, получаемые в скором будущем и более ценные для субъекта ПР, предпочтительнее отдаленным результатам, хотя их абсолютная ценность оценивается высоко. По мнению авторов, это также связано с академическим и профессиональным успехом в жизни.

Обсуждаемые теоретические выводы и экспериментальные факты являются основой для более глубокого изучения фактора времени в процессах ПР и позволяють выдвинуть гипотезу что восприятие и субъективная оценка времени влияет на процесс решения проблем и выбор основной стратегии ПР.

Ярким примером этого факта является ситуация цейтнота в шахматной игре. Ситуации цейтнота условно можем разделить на две основные группы: объективные и субъективные. Во время объективного цейтнота мы все можем наблюдать, что на часах у игрока уже считанные минуты, и он под давлением фактора времени принимает разного рода решения. Но для психологического анализа более интересна другая ситуация – когда у игрока на часах еще достаточно времени, чтобы тщательно выбрать стратегии ПР (и об этом свидетельствуют эксперты, но у шахматиста появляется психологическая нехватка времени – так называемый субъективный цейтнот. Одной из причин возникновения такого состояния и является восприятие и оценка временных интервалов самим субъектом. Для выяснения взаимосвязи восприятия и оценки времени с факторами ПР мы запланировали экспериментальную работу с шахматистами, которая включала серию тестов и экспериментальных заданий.

Тестировались личностные факторы принятия решения по опроснику ЛФР-25, исследовалась степень точности восприятия коротких промежутков времени, а также испытуемым предлагалось принимать решения в ситуации бинарного выбора. Д. Канемана и М. Алля (Корнилова Т. 1994, Калинин С. 2006, Паулукова Т. И др. 1998, Tversky A. and Kahneman D. 1983, Allais M. 1953). В исследовании приняли участие 20 юных шахматистов РФ, имеющих звание ряд мастера и международного мастера.

Обсудим основные результаты исследования. По степени точности восприятия коротких промежутков времени выборка распределилась в интервале 50-115%, по шкале рациональности опросника ЛФР-25 – от Р10 до Р80, по шкале готовности к риску – от Р10 до Р90, а персональная компетентность во времени по сырым баллам от 19 до 39 баллов. Интересны результаты по ситуациям бинарного выбора – только 25%-ов испытуемых выбрал рациональный ответ в задаче Линды Д. Канемана и столько же процентов рационального выбора в одной из ситуаций М.Алля. Подробней результаты бинарных выборов обсудим далее, а пока остановимся на обсуждении взаимосвязи степени точности восприятия коротких промежутков времени с личностными факторами принятия решения.

Поскольку подсчет коэффициентов корреляции в основном был невозможен, а в тех случаях, когда был возможен, не дал значимых результатов, мы предприняли более тонкий анализ полученных данных. Испытуемые показавшие высокие результаты по шкале рациональности ЛФР выше 75-ой процентили, по степени точности восприятия времени оказались в интервале 70-80%, а показавшие низкие результаты (ниже 25-ой процентили) – в интервале от 100% до 115%. По шкале готовности к риску показавшие высокие результаты оказались в интер-

вале от 90 до 100%. Показавшие же низкие результаты по шкале готовности к риску разбросаны по всей шкале степени точности восприятия времени. Относительно ситуации бинарного выбора в задаче Д. Канемана, все испытуемые предпочитали более рациональный выбор (оказались в интервале от 70-100%) по степени точности восприятия времени. Это означает, что те испытуемые, которые в определенной степени переоценивают временные интервалы, более рациональны в ситуациях ПР, но если переоценка превышает 30%, то взаимосвязь пропадает. Та же закономерность применима и к фактору готовности к риску, но с наименьшим интервалом – не более 10%. Если же имеет место переоценка временных интервалов, то она обратно пропорциональна фактору рациональности, а готовность к риску – становится независимым фактором.

А теперь обратимся к результатам ситуации бинарных выборов М. Алле. В среднем мы выбрали три таких ситуации. В первой задаче в ситуации А есть 100%-ая вероятность выигрыша в 1 млн. франков, а в ситуации В имеется 10%-ая вероятность выигрыша в 5 млн. франков, 89% – в 1 млн. франков и 1% – не выиграть ничего. Во второй задаче предлагается сделать выбор между ситуациями С и D. В ситуации С имеется 10% вероятности выигрыша в 5 млн. франков и 90% – не выиграть ничего, а в ситуации D – 11% составляет вероятность выигрыша в 1 млн. франков и 89% – не выиграть ничего. В третьей задаче предлагается сделать выбор между ситуациями E и F. В ситуации E имеется 89% вероятность выигрыша в 5 млн. франков, 10%-ая вероятность выигрыша в 1 млн. франков, и 1% – не выиграть ничего, а в ситуации F 89% вероятности выигрыша в 5 млн. франков, 10% вероятность выигрыша в 1 млн. франков и 1% – не выиграть ничего. В 3-ей задаче рациональным выбором является ситуация E, но, по результатам М. Алле,

боязнь – 1% вероятности не выиграть ничего, большинство людей склоняется к выбору E. Так и в нашем эксперименте, только 25% испытуемых предпочли ситуацию F, и они, по степени точности восприятия времени, находятся также в интервале от 90 до 100%. Это еще раз доказывает, что если задача Лидды моделирует фактор рациональности в чистом виде, то в 3-ей задаче Алле моделируется также и фактор рискованности. Что касается первых двух задач, то парадокс Алле гласит, что значительное большинство индивидов в этих условиях предпочитает выбор ситуации А в первой паре и ситуации С во второй. В нашем же эксперименте, в чистом виде, парадокс не выявился. Выборка разделилась на две равные части в первой задаче, а большинство испытуемых (75%) во второй задаче отдали свое предпочтение ситуации С (более рациональной по теории вероятности), что лишнее раз доказывает, что эти задачи моделируют факторы ПР в разной степени выраженности. Если сопоставить эти выборы с результатами степени точности восприятия времени, то выясняется, что в первой задаче отдающие предпочтение более рациональному варианту – В, испытуемые находятся в середине шкалы восприятия времени – 70-100%. А испытуемые, отдавшие свое предпочтение варианту абсолютной надежности А, расположены на краях шкалы точности восприятия времени – 40-70% и 100-110%.

Это еще раз доказывает нашу гипотезу о прямой взаимосвязи восприятия и субъективной оценки времени и факторов ПР. Но также подчеркивает то, что в сфере психодиагностических проблем ПР еще много противоречивых подходов, а психодиагностика ПР нуждается в едином обоснованном подходе, что сделало бы возможным результативно моделировать оптимальное количество факторов ПР.

Артемяева О.А. (Иркутск)

ПРАКТИКА КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Вопрос об интеграции теории и практики, неактуальный для современной науки, теряет актуальность для современной науки в целом, в ее неслучайной ретроспективе. Проблема единства теории и практики в психологии, хотя и имеет уникальную историю, имеет в своей основе общенаучные тенденции.

В формировании и развитии науки В.С. Степин выделяет три стадии: зарождающейся науки (преднаука), науки в собственном смысле этого слова. Преднаука характеризуется преимущественно тем, что вещи и способы их изменения, которыми человек многократно сталкивается в своем опыте. Деятельность преднаучного мышления осуществляется на основе практики и представляет собой неформальную схему практических преобразований реальных предметов. По мере развития познания формируется особый способ построения знаний – собственно научное. Материалом последнего являются ранее сформированные системы знания (языка). Они погружаются в новую структуру, заимствованную из другой области знания, где она предварительно обосновывается в качестве латентизированного образа предметных структур реального знания. Таким образом, в науке наряду с эмпирическими правилами и зависимостями, выявляемыми практикой, формируется особый тип знания – теория, позволяющая получить эмпирические зависимости как следствие из теоретических постулатов. Однако достоверность полученного знания проверяется практикой. Именно так и развивалось научное познание в VI – I вв. до н.э. в древнем восточном античном расчлененном обществе в неразрывном отношении к физическому труду приве-

ло к противопоставлению абстрактно-теоретических исследований и практически-утилитарных форм применения научных знаний (Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2008).

Таким образом, исторически практическое познание предшествовало теоретическому научному. Практика была основанием научного поиска. Вместе с тем в процессе развития научное знание стало противопоставляться практическому, прикладному, как низшему уровню. Возникновение таких философских направлений, как рационализм и эмпиризм, способствовало закреплению этого противопоставления. Выданное в рамках диалектического материализма положение о необходимости связи теории и практики предполагает рассмотрение практики как исходного и конечного пункта познания, а теории – как промежуточного звена, на котором происходит интерпретация полученных данных и построение гипотез. Судя об этом, главным является понимание повышение уровня практики на начальном и конечном этапе, ее преобразование в результате теоретического осмысления (Алексеев П.А., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1997).

В психологии проблема соотношения теории и практики приобретает специфическое звучание в силу наличия специфических форм практики. Как свидетельствуют результаты историко-психологического исследования Е.А. Будиловой, во второй половине XIX в. такими формами были, прежде всего, судопроизводство и судебное дело. В основе историко-психологического исследования «Социально-психологические проблемы в русской науке» (М., 1983) лежало признание общественной практики и